

Человек и его работа — главная тема советской драматургии и театра. Многим памятные спектакли и пьесы, вызвавшие большой резонанс не только в искусстве, но и во всей общественной жизни. Обращение к современной драматургии, к тревогам, радостям и проблемам сегодняшнего дня характерно для большинства деятелей нашего театра. Но есть художники, практически целиком посвятившие свое творчество современности. Один из них — Владимир Портнов — режиссер Московского драматического театра имени Станиславского. Четверть века трудится он на сцене: актером, постановщиком спектаклей.

МОЙ ВЫБОР

— Есть люди, которые любят пересказывать другим интересные истории, вычитанные или услышанные где-то. Мне же хочется говорить только о том, что пережил и знаю сам. И хотя профессия режиссера вторична по отношению к пьесе, к литературному материалу, по которому делается спектакль, — в каждой моей постановке стараюсь искренне поделиться со зрительным залом своими взглядами на различные стороны жизни. Так что выбор пьесы для постановки — это выбор не просто драматургического, но и жизненного материала, о котором мне хотелось бы нечто сказать.

— В театроведении принят термин «производственная драматургия». Имеются в виду пьесы, действие и конфликт которых разворачиваются в сфере производственных отношений. Часто ли приходилось вам работать над такими пьесами? Что вы можете сказать о «производственной драматургии»?

— Откровенно говоря, играя или режиссируя в «производственных» пьесах, я старался держаться подальше от проблем управления или технологии, от специфики того или иного производства. Ведь зрительный зал заполняют люди самых разных профессий, стоит ли сосредотачиваться на нюансах работы конкретного предприятия? В центре искусства, в фокусе спектакля — драмы, конфликты и проблемы человека, а не ведомства.

Я не очень хорошо представляю себе сталеителное производство. Однако смею надеяться, что неплохо знаю людей типа инженера Чешкова, которого мне довелось когда-то играть в известной пьесе И. Дворецкого «Человек со стороны». Мне, да и публике в зале, Чешков был в первую очередь интересен не как специалист-инженер, но как гражданин, принимающий на себя ответственность в сложных ситуациях. Помню, после спек-

такля за кулисы приходили молодые специалисты самых разных производств и просили у меня текст одного из монологов Чешкова. Этот монолог они хотели использовать в качестве аргумента при своих «производственных конфликтах».

Другой случай. Ставил я пьесу М. Шатрова «Погода на завтра», где речь шла о строительстве Волжского автомобильного завода. В то время ВАЗ был предприятием совершенно нового типа, во многом экспериментальным. Прочитав пьесу, я подыскал сценический образ будущего спектакля. Назвал его условно: «Хрустальный куб среди хлама». Смысл пьесы виделся мне в том, что новое предприятие не должно «съехать» на привычные старые рельсы, а наоборот — поднять до себя, повести за собой других.

Отыскав сценический образ, все же захотел своими глазами увидеть ВАЗ. Вдруг, думал я, реальный завод подкажет мне еще какие-то сценические решения? Съездил в Тольятти, побывал на заводе. И, честно признаюсь, в жизни ВАЗ показался мне менее ярким, чем описанный в пьесе.

Это лишний раз напомнило старую истину: искусство — не жизнь, а лишь ее образ. Причем очищенный от случайностей, от всего нехарактерного. В искусстве все ярче, значительнее и заостреннее, чем в действительности. В искусстве не как в жизни. Но искусство всегда про жизнь. Только показана жизнь здесь гораздо эмоциональнее и зрелищнее, чем она есть в жизни.

— Существует разное отношение к искусству. Одни любят просто развлекаться, отвлечься. Другие ищут в искусстве отклик на свои жизненные проблемы и заботы. Какого зрителя вы предпочитаете, для кого работаете?

— Вы правы, отношение пуб-

лики к театру очень неоднозначное. Более того, есть люди — неплохие и неглупые, — которые не любят искусство. Я готов признать и выслушать каждую точку зрения, но работаю не для тех, кто приходит в театр поразвлечься. Всем не угодишь. «Всем нравятся только лудиторы», — говорят французы. Мне хочется, чтобы театр помогал людям жить.

Поэтому и нужно показывать не проблемы производства, в которых специалисты все равно поставят вопросы и найдут ответы точнее и правильнее, чем театр. Дело искусства — исследовать, на что способен человек. Не поучать (чем художник лучше других?), а исследовать вместе с публикой в зале противоречия души человека, взаимоотношений людей в обществе.

— Приходилось ли вам работать над пьесами о строителях?

— Да. Вспоминая свои постановки, могу назвать среди них: «Обратную связь» и «Наедине со всеми» А. Гельмана, «Лошадь Пржевальского» М. Шатрова. Мне дороги эти спектакли, потому что они, на мой взгляд, не уводили зрителя от реальных жизненных проблем, а указывали на них.

Будучи студентом, я подрабатывал на стройке. Видел: какой это тяжелый и ответственный труд. Более того, я понял: в плане человеческого, нравственного самое тяжелое в труде строителей — быть честным, честным в самом высоком смысле этого понятия — напряженно и качественно работать. А ведь строительство — лишь первая ступень лестницы жизни. В постройке будит затем жить и работать люди.

Как часто въезжает предприятие или учреждение, детский сад или театальный коллектив в новое здание, но из-за огрехов строителей не может полноценно действовать! Я жил во многих городах, не раз приходилось быть в роли новосела. И нередко плоды работы строителей огорчали, нередко приходилось что-то доделывать, переделывать...

Равнодушие к результатам своего труда — это большая проблема человека и всего общества. В любой работе мы сразу отличаем сделанное любовно, мастерски, от плохого, выполненного кое-как.

Я горжусь, когда зрительный зал принимает мои спектакли неравнодушно, горячо, заинтересованно.

Вел беседу
В. ГРИБАНОВ.